

Глеб Иванович Успенский

Побирушки

Глеб Иванович Успенский
Побирушки
Серия «Очерки и
рассказы (1862–1866 гг.)»

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=664785*

Аннотация

Очерк «Побирушки» был написан Успенским по заданию иллюстрированного журнала-альбома к акварели Е. А. Егорова «Христа ради». Безусловно, заданность темы ограничивала творческий диапазон писателя; несмотря на это, Успенский создал произведение, имеющее самостоятельный интерес и читающееся без обращения к соответствующей иллюстрации. Акварель Е. А. Егорова изображает три фигуры нищих, оборванных крестьян – старика, женщины с ребенком на руках и мальчика, просящих милостыню у окна крестьянской избы. Успенский же развернул перед читателем в первой части очерка целую галерею портретов городских «побирушек».

Содержание

I	4
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Глеб Иванович Успенский

Побирушки

(Очерк)

I

Только неудачи, несчастья и горе постоянны на земле, и, зная это, не нужно особенно пристальной наблюдательности, чтобы убедиться в существовании довольно большого класса людей, который, не зная, на какой труд девать свои руки, или же не умея приложить их ни к какому труду, живет изо дня в день чужой подачкою, копейкою, выработанною чужим трудом. Столичный двор, в длинной картине своих будней, столичные улицы, церкви – все это дает множество типов разных побирушек.

Только что вы успели открыть глаза в свежее летнее утро, как среди двора громко грянула музыка; весь дом всполошился; вы слышите, как по коридору мимо вашей комнаты пробежало несколько человек, поднялась повсюду суматоха; взгляните в окошко, и вы увидите, что далеко прежде вас высунулся в окна весь дом, – на дворе толпы народа: мастеровые, кухарки, бросившие свое дело, разносчики с лотками на головах и с застывшим криком на разинутом рту. А зву-

ки, стиснутые высокими стенами каменного четырехугольника-двора, гордо рвутся вверх, разливаются по окрестности и ссылают новых зрителей, которые на ваших глазах один за другим шмыгают в подворотню.

Оркестр между тем кончил какую-то пьесу; трубачи, перевернув вниз трубы, выдувают из них накопившуюся от дыхания воду, – и некоторые из музыкантов посматривают на публику, разместившуюся по окнам: очевидно, нужна подачка; об ней не говорится, потому что все эти бедняки, к большому их несчастью, люди с самолюбием, развитым данным на несчастье талантом. И это, по-моему, самые жалкие и в особенности достойные помощи бедняки.

Однако оркестр кончил; скрипачи и кларнетисты засовывают свои инструменты под полы своих сюртуков и пальто, маленькие музыканты-нищие нагружают, кроме того, на свои спины кипы нот; они несут подмышкой пюльпитры, и вслед за всей капеллой музыкантов ползет под ворота и толпа зрителей. Мастерские, с ременными ободочками на головах, подхватывают с земли своих ребят, слышны говор, смех; скоро оркестр гремит на другом дворе, и потом жизнь входит в свою обычную колею – стучат ножи, из нижних этажей валит удушливый запах цикорного кофе, поджариваемого в бесчисленном количестве, – настает мир стряпни и дела. Но внутренность двора опустела ненадолго. Если в это время, через несколько минут по уходе оркестра, разносчик не кричит: «кавры половые», то скрипит водовоз, или некоторый

человечек в подряснике из простого черного сукна, с ремненным поясом и открытой головой, звонким тенором поет на весь двор: «На построение погоревшей» и проч. Он потупил свои бойкие глаза в книгу с несколькими медяками на переплете и, медленно обходя около стен, причем старается ближе подойти под окна, неумолкаемо тянет свою всенижайшую просьбу.

– Милый человек! – возглашает, выступая из дверей нижнего этажа, персона женского пола, по всей вероятности вдова какого-нибудь фельдфебеля. – Зайди, бога ради, на малое время.

Подрясник ниже нагибает голову, что означает поклон, и заходит ко вдовице. Тут сейчас затевается самовар, – и за этой скромной, но весьма продолжительной трапезой, под неоднократно возобновляемое доливание в самовар, тянутся рассказы: какие на земле есть места чудные, и какие разные бывают чудеса, и проч. На эти разговоры стекаются разные вдовы и съемщицы, и под конец многие прослежаются. А странник скоро на другом дворе поет попрежнему: «На построение погоревшей» и проч.

– Милый человек! зайди на малое время! – раздается голос из-под крыши. И снова самовар и снова рассказы. И невидимо жидется погоревшая обитель.

Настает тишина, и опять-таки ненадолго; побирушки разных видов и наций поминутно сменяют друг друга. Входит кучка людей в каких-то рваных сюртуках, из-под которых

выглядывают ноги, обтянутые в трико. Тут же много ребят – тоже в трико; на головах у них надеты венки, состоящие из бумажного обруча, перевитого разноцветными коленкоровыми лентами. Это акробаты; они скоро раздеваются, расстилают на голых и мокрых камнях рваный ковер и начинают свой спектакль. Под музыку шарманки и бубна кувыркаются эти нищие, ломают ребят, – и вас невольно остановит и заставит задуматься судьба этого маленького существа – мальчик ли оно или девочка, неизвестно, – которого на ваших глазах какой-то геркулес, должно быть глава всей шайки и, стало быть, нищий из нищих, хватает одной рукой за пояс на спине, подымает вверх над всей толпой и заставляет дрыгать маленькими ногами и ручонками под звуки канкана. Тут рождаются уже ученые побирušки; от отца в наследство переходит вся наука попрошайничества.

Наконец на ваш карман рассчитывают полчища шарманщиков, целый день гудящих под вашими окнами разные арии и русские песни с припевом безрукого, но голосистого солдата. Если вам приходится выйти на улицу, то во всяком случае вам не придется долго остаться без того, чтобы кто-нибудь не заявил своего желания попользоваться вашим карманом. Если вам приходилось долго ходить по одной и той же улице, то вы непременно заметите, что на одном и том же месте весь день стоит какой-нибудь солдат, слепой, весь обвязанный тряпками; рядом с ним старуха, тоже в лохмотьях; один играет «Вдоль да по речке, вдоль да по Казанке» или

что-нибудь другое, – старуха поет. Эта картина производит неприятное впечатление. Когда бы вы ни шли мимо этой чепухи, все она в одном и том же положении: старуха что-то хрипит, старик вертит ручку сиплой шарманки и другой рукой беспрестанно водит по крыше своего инструмента, надеясь нащупать монету.

Кроме того, во всякое время дня и ночи не раз придется встретиться вам некоторым персон, именующихся отставными капитанами, офицерами, воевавшими при Севастополе и проливавшими именно за вас, за ваше спокойствие свою благородную кровь.

Вздергивая своими массивными плечами и держа картуз сбоку головы, трогательнейшим голосом произносит воин свою просьбу:

– Помогите бедному, беззащитному офицеру! Подавал прошение на службу – нет местов... Жена, дети... Позвольте у вас покорнейше просить три рубли серебром.

– Не могу-с.

– Ради всего священного...

– Помилуйте, – да у меня самого теперь нету таких денег.

– Ну, сколько можете.

– Двугривенный – возьмите.

– Ах! Миллсс. дарь! Вы не понимаете всей тяжести... н-но! позвольте. Блаадаррю вас! Хотя грешно такой ничтожностью обижать человека... можно сказать...

– Делать нечего. Вы идете.

– Бог, милл...осдарь, со временем припомнит вам! – кричит особа издали. – Желая вам испытать те чувства, которые в настоящую минуту...

Вы продолжаете идти.

– Двугривенный!.. Свинья!.. – заключает особа, понимая, что вы уж не расслышите этих слов.

В другой раз вы идете пустынной улицей. Ночь. Дорога ваша лежит как раз против какой-то части. Ни души. Стук ваших собственных шагов только и слышен кругом.

– Почтенный гасспадин! – раздается над вашим ухом.

Вы оборачиваетесь: какое-то существо мужеского пола в картузе с разодранным козырьком и в довольно прохладном костюме.

– Что вам угодно?

– Позвольте узнать, сделайте милость, где здесь первая часть?

– Вот она!

– Ах-с! Не имея пристанища, как благородный человек, хочу попросить правительство укрыть меня от ночи.

Персона эта заявляет вам причину ночевать в полиции именно потому, чтобы вы выкинули из своей головы всякую мысль о его темном существовании, о беспаспортности и проч. Если он сам идет в полицию и если он действительно беспаспортный, бродяга, – то уж там ему быть – не миновать. Стало быть, он вовсе не какой-нибудь, если не боится этого. Затем неизвестный рассказывает вам, что он пять часов то-

му назад только в Петербург приехал сюда с барином; барин ушел из гостиницы, унес с собой ключ, и он принужден скитаться кое-где.

– Ну, пойдете, я вас проведу в часть.

– Благодарю вас, милостивый государь... пойдем-те-с. Но не можете ли чем-нибудь помочь?

– Не могу ничем.

Мы идем; около самых дверей части неизвестный оставливается.

– Мил...сдарь! Я теперича опасаюсь...

– Как?

– Ну-ко барин придут – меня нету? Лучше я домой.

– Как хотите.

– Так точно, я лучше домой-с. Хоть пяти копеек нет ли у вас?

Вы даете.

Особа мгновенно юркнула в тьму, и скоро издали вы слышите такое приветствие:

– Шаромыжник! Подавись ты своим пятаком! – отчетливо произносит знакомый голос, из заискивающего превратившийся в подлый и дерзкий.

Класс *салопниц*, без сомнения принадлежащий к числу побирушек, сумел так себя поставить в чиновном быту, что, вполне проживая на счет этого бедного и постоянно нуждающегося народа, ни разу не отопрет рта для того, чтобы попросить о чем-нибудь: все дается им добродушными хозяй-

ками без просьбы, ибо эти хозяйки крайне обязаны салопницам за убитую скуку целого будничного утра, за кучу новостей, за совет, как узнавать, когда у ребят зубы начнут прорезываться, за предсказание – кто будет новорожденный: мальчик или девочка. Последние предсказания всегда сообразны с желаниями родителей.

– Страсть как я мальчиков люблю! – говорит чиновница.

– Постой-кось, ангельская душа, – говорит ей салопница. – Я сейчас погадаю, – ты только повернись лицом к солнцу, на полдень!

Чиновница повернулась.

– Видишь ты, как оно обозначает. Дай-кось в эфтом месте пощупаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.